

ВИКА БОРИСОВА

*Сегодня
я
Дола*

Т Р И Л Л Е Р

16+

Виктория Борисова
Сегодня я Лола

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Борисова В.

Сегодня я Лола / В. Борисова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Молодая художница Алиса Аверина грезит славой и богатством. Она понимает – простая жизнь не для нее. Но как достичь цели, если ты живешь в маленьком городке и никому не известна? Случайно Алиса знакомится с девушкой по имени Лола, которая соглашается ей помочь и сопровождает к блистательному успеху. Чем обернется эта помощь, и какую цену придется заплатить? Может ли нам помочь кто-то кроме нас самих?

Сегодня я Лола

Глава 1

«Черт побери! Сколько это еще может продолжаться? В этой жизни определенно что-то идет не так. Ну почему наш мир держится только на планах продаж? Почему я не могу спокойно жить в доме с бассейном и каждый день писать у этого бассейна картины? Прекрасные закаты и рассветы, которые публика будет скупать еще до начала выставок? А ведь кому-то так повезло в жизни. Только не мне и не в этой вселенной» – так думала я, глядя в окно автобуса, не замечая, как какой-то мужик трется об меня.

Несмотря на свой деловой костюм и серьезное лицо он точно был извращенцем, потому что воспользовался тем, что пассажиров набилась целая куча и мы теперь обнимаемся как селедки в банке. Я продвинулась подальше, предоставив любителю объятий возможность потеряться о женщину внушительных размеров, на которую мне было так удобно облакачиваться на поворотах. Извращенец грустно вздохнул.

Я – Алиса Аверина, жительница самого обычного маленького городка, ехала домой с работы, на которую уже больше года ездила или ходила пешком изо дня в день, в любую погоду пять дней в неделю. Сегодня все изменилось. Мне больше не нужно возвращаться в страховую компанию, где я так и не смогла проявить себя. Меня уволили. Мой шеф настолько скорее хотел избавиться от меня, что мне даже не пришлось отрабатывать положенный месяц после увольнения. Меня просто вышвырнули как ненужную вещь, которая занимала место. Он так и сказал: «Ты, занимаешь место, которое тебе не принадлежит. Здесь должен работать другой человек, более ответственный и трудолюбивый».

«Более ответственный и трудолюбивый» – теперь эти слова звучат у меня в голове как заевшая пластинка. «Более ответственный и трудолюбивый» – подумать только, с каких это пор я превратилась в безответственную лентяйку? Я никогда такой не была.

На очередной остановке толпа выходящих людей прокрутила меня вокруг своей оси несколько раз и сдвинула вперед. Это ненадолго отвлекло меня от тяжелых мыслей, но как только автобус тронулся и в окнах замелькали остающиеся позади здания, раздумья вернулись с новой силой. Я вспомнила последнюю проповедь моего директора. Он очень любил именно проповедовать, а не просто отчитывать сотрудников. Каждое слово и мысль он специально отбирал и готовил, а произнося, смаковал.

«Примерные» коллеги всегда были на шаг впереди меня, а то и на десять. В их руках работа горела, планы выполнялись, а клиенты так и названивали им с просьбой застраховать. Я же с трудом разбираюсь в дебрях законодательства и тарифных ставок. Мне сложно было убедить человека заплатить деньги за услугу, которую я сама считала воздухом. Я не понимала до конца, в чем смысл моей работы и из-за этого плелась в хвосте. И вот сегодня мне все это припомнили. Каждое слово, теперь уже бывшего босса как пуля из автомата Калашникова врывается в плоть моей худой самооценки, приставленной к грязной стене для расстрела.

По крыше и окнам автобуса забарабанили крупные капли дождя. Май в этом году выдался паршивый – дождливый и пасмурный. Ливень как раз был логичным завершением сегодняшнего тяжелого дня. А что мне еще делать? Промокнуть, а потом сидеть до полуночи на подоконнике, смотреть в размытую акварель города и размышлять о смысле жизни.

«Ответственный и трудолюбивый...» – снова завертелось у меня в голове. Когда же я перестала такой быть? С какого момента моя жизнь пошла по кругу невыполненных планов и постоянных неудач? Ведь раньше у меня все было прекрасно. Каждый свой день я проживала с удовольствием и каким-нибудь результатом – оконченная картина, испеченный пирог, новая асана, которую я наконец-то освоила, десяток выученных итальянских слов, прочтенная книга или завершённый проект на работе. Моя жизнь кипела и бурлила, в ней было место всему

новому и интересному. Сейчас осталась только работа и одинокие вечера, которые я коротала перед телевизором с бокалом вина или чего покрепче.

Проехав еще две остановки, я вышла из автобуса. Дождь льет как из ведра. Я без зонта, без каблуков, маленькая и незаметная. Волосы сразу же намокли и превратились в сосульки. Кто-то задел меня, в спешке спасаясь от непогоды. Кажется, сегодня каждый встречный норовит как-нибудь задеть меня.

Перепрыгивая через лужи, я прошла вдоль угрюмой девятиэтажки и завернула за угол. Мой подъезд первый от улицы. В проходе, я нос к носу столкнулась со своей вечно бурчащей старухой-соседкой. Она подняла на меня глаза с мутными от старости зрачками, нахмурила брови, пробубнила что-то ругательное и пошла дальше. Куда она собралась в такую погоду одному только богу известно.

Попав, наконец, в квартиру я бросила на пол ключи и сумку, скинула обувь и первым делом отправилась на кухню. Виски с колой. Срочно. Я открыла шкаф, достала стакан, кинула туда два кубика льда и замешала своеобразный коктейль из восьмидесяти процентов виски и двадцати процентов колы. Сделав два глотка, я сморщилась, все-таки какая дрянь этот виски! Но кола немного замаскировала неприятный вкус, а зияющая рана моей самооценки просила бальзама. Я залпом допила стакан, как сироп от кашля.

Через несколько месяцев мне грозила не лучшая перспектива: нет квартиры, потому что меня выселят за неуплату, нет денег. Как бы не пришлось ночевать на теплотрассах. Ну, уж нет.

Я помотала головой из стороны в сторону, чтобы вытряхнуть оттуда дурные мысли. Просто так я не сдамся! Вдруг меня уволили специально? Чтобы я наконец-то начала жить так, как хочу. Может быть, это шанс и его нужно использовать?

Через несколько минут я уже не думала об этом. Безрадостные видения будущего покинули меня, растворившись в ароматной ванне с белой пеной, которая пахла морем.

Глава 2

Я очнулась от тяжелого и липкого сна, от которого нельзя проснуться, можно только вынырнуть с задыхающимся вдохом, как из морской пучины. С момента моего увольнения прошла неделя, которую я потеряла на дне бутылки. В голове звучал голос: «Ты вечно пытаешься все держать под контролем!». Это был знакомый голос, когда то родной и любимый, а сейчас такой чужой. Бестелесный призрак прошлого, который вытащил меня из отключки.

Я резко села в кровати и перед глазами все поплыло. «Ты вечно пытаешься все держать под контролем!» – крутилось в голове, как кассета на повторе. Во рту все слиплось, очень хотелось пить и сильно тошнило. Я доплелась до туалета, облачиваясь на стены и держась за дверные ручки. Голова болела, а ноги и руки как будто стали ватными и мягкими. Меня вырвало алкоголем и чем-то зеленым. Я села на коврик рядом с унитазом, обхватила колени и разрыдалась. Это были первые слезы за последний год. Все это время я пыталась поплакать, но так ни разу и не получилось. Не смогла выдавить и слезинки, только один раз получился протяжный стон, но сейчас мне стало больно, слезы лились как очищающий поток и, кажется, не собирались останавливаться.

«Ты вечно пытаешься все держать под контролем!» – ты говорил мне эти слова каждую нашу ссору. А я и не пыталась все контролировать, я хотела все успевать и делать все хорошо. Хотела, чтобы мы вовремя навещали родителей и друзей, откладывали деньги на поездку в Италию, о которой мечтали, добивались чего-то стоящего в работе и могли себе позволить что-то по-настоящему хорошее. Да, у меня было расписание, да, я часто была занята, но я не пыталась все контролировать. Наши ссоры становились все чаще и ты тыкал меня как котенка – носом в мой контроль и занятость. Что ж, может быть тебе позвонить? Посмотришь, какой я стала?

Просидев в слезах рядом с унитазом около часа, я заставила себя подняться. Почистила зубы и умылась, посмотрела на свое отражение в зеркале. Черные круги под красными глазами, невымытые волосы, бледная кожа и огромный прыщ на лбу. Вот так выглядят женщины, которых лишают всего.

Квартира тоже была в запустении. Возле мусорного ведра столпились бутылки из-под разных алкогольных напитков. По тому насколько ближе они стояли к ведру, можно было определить, что и когда я пила, как возраст дерева по кругам на срезе ствола. Сначала в ход пошли виски и ликеры, которые я коллекционировала для бара, затем вино, затем дешевое вино, затем дешевые тоники, три бутылки которых я выпила вчера. Из ведра в разные стороны вываливались коробки от пиццы и роллов с доставкой. В раковине гора грязной посуды, на полках пыль, на полу мусор и крошки. Диван погряз под журналами и пакетами от чипсов и орешков. Здесь же валялись пульт от телевизора, батарейки, маникюрный набор, сырое полотенце, смятая пижама. Я плохо помнила прошедшую неделю, но по характеру загрязнений можно было понять, что загул проходил на диване. От мыслей о количестве выпитого и бесцельно потраченного времени меня вновь затошнило.

«Ну, вот и все, превратилась из порядочного человека в алкоголичку» – триндел внутренний голос, по интонации похожий на бабушкин. Я ходила по квартире и собирала мусор, наклоняться было больно. Я злилась на себя из-за того, что бездумно потратила столько времени, поэтому не допускала даже малейшей возможности отдохнуть с похмелья и дать организму прийти в норму. Это было своего рода наказанием. Я не могла позволить себе такую тоску только из-за того, что меня уволили. У меня никто не умер, меня не изнасиловали и не искалечили (чего я, кстати, очень боюсь), меня просто уволили. Эти мысли лишь разжигали мою злость, отчего я, несмотря на боль, начала убираться активнее и тщательнее.

«Ты вечно пытаешься все контролировать!» – голос бабушки вытеснили воспоминания о тебе – «Дай мне самому решать, что и когда делать!».

На дворе была середина мая. Чудесный день. Мы стояли возле фонтана, вокруг бегали дети с шариками и самокатами, солнце радугой отражалось в брызгах воды. «Три года я отчитываюсь перед тобой за каждый свой шаг!» – ты повысил на меня голос и нервно жестикулировал перед моим лицом рукой с тремя пальцами. Дети внимательно посмотрели на нас. С тобой явно творилось что-то неладное. А я не понимала, что такого в том, что бы объяснить мне, где ты был, пока я добрых полтора часа ждала тебя в летнем кафе с программой нашей свадьбы. Я смотрела на тебя, не моргая, а ты не прекращал возмущаться из-за того, что я душу тебя своей гиперопекой. Не было никакой опеки, я всего-то хотела все успеть. Ты сорвал мои планы, а теперь стоишь и орешь на меня, что я тебя опекаю.

Возможно это от предстоящей свадьбы? Может ты запаниковал немного и испугался, вот и срываешься? Я спросила это у тебя тогда и дети вновь обернулись на нас, как будто им тоже было интересно, что ты ответишь. А ты вздохнул, взял меня за плечи и сказал, что перед свадьбой нам нужно немного отдохнуть друг от друга. В тот момент я поняла, что этой свадьбы не будет. Развернувшись, я молча ушла. Как человек, который собирается прожить со мной до конца дней хочет отдохнуть от меня, причем на пороге самого важного события в нашей жизни? Если мы станем семьей, то, как он будет справляться, если снова устанет?

Было обидно, но тогда я еще не была таким бесконтрольным существом как сейчас. Я продолжала жить как жила, составляла расписание, ходила на работу, писала картины, придумывала иллюстрации для рекламных буклетов и учила итальянский. Как жил ты не знаю. Ты забрал свои вещи через неделю после нашей ссоры, а еще через некоторое время я узнала, что ты живешь у какой-то блондинки, хозяйки фотостудии и любительнице погонять на мотоцикле. Спонтанность, ветер в голове, веселье и белокурые локоны – вот что было тебе нужно, а я не могла дать тебе этого.

Только сейчас я поняла, что жизнь покатила под откос после той ссоры у фонтана, просто я отказывалась замечать это. Тяга к перфекционизму не давала мне полностью отдалиться от горя. Она словно пуля, которая попала в артерию и сама же ее зажимает, блокировала кровотечение. Я не тосковала, не плакала, запретила себе делать это, настроившись на то, что пустота, образовавшаяся в моей жизни, Вселенная заполнит сама. Но у Вселенной не было шанса, потому что по-настоящему пустота образовалась только сейчас, когда я дала волю чувствам и погоревала.

Погрузившись в свои мысли, я и не заметила, как навела везде порядок. Меня порадовало отражение в зеркале – чистые уложенные волосы, свежая футболка и шорты, ресницы чуть тронуты тушью. Позади меня отражается уютная чистая комната, где все предметы на своих местах и приятно пахнет лавандовыми свечами. Поработала я хорошо, если бы была замужем, муж остался бы доволен.

Впервые у меня поднялось настроение, стало легко и приятно как бывает, когда сделаешь что-то полезное. Хватит уже тоски, нужно приступить к действиям.

Я приготовила легкий душистый суп бульоне с зеленью, который стал настоящим бальзамом после поглощения фаст-фуда и еды на вынос. Он придал мне еще больше сил и я приступила к реализации своего личного плана «Барбаросса». Моя задумка жить жизнью мечты была очень амбициозна и требовала много сил и времени, по-прежнему нужен был заработок. Я могла продержаться на плаву примерно два с половиной месяца, так как у меня были сбережения и мне выдали полный расчет с отпускными. Но я не хотела тратить все, ведь я копила не на «черный день», а на путешествия и все еще всерьез надеялась отправиться в Италию на следующий год. Поэтому я села обновлять резюме.

В прошлый раз, когда мне пришлось устроиться в страховую компанию, из которой меня недавно выперли, мне нужно было хоть куда-нибудь устроиться. Я осталась одна накануне свадьбы и главным утешением была работа в рекламном отделе редакции городской газеты. Когда издание закрыли, якобы из-за скандальных материалов и подстрекательства читателей к акциям протеста, я была раздавлена. Нужно было чем-то заниматься, чтобы не умереть от тоски и разочарования, поэтому я позвонила по первому объявлению и была приглашена на собеседование. Я очень старалась понравиться будущему боссу и попасть к нему на работу. И попала, но это было моей главной ошибкой.

За год я растеряла все навыки, которыми раньше гордилась. Улетучилась моя креативность, смелость, которая помогала мне свободно общаться с клиентами и защищать свои идеи. Из-за незнания специфики страхования, я постоянно смущалась перед директорами разных фирм и старалась убраться от них как можно скорее. Я забыла с чего нужно начинать, когда разрабатываешь рекламу. Все, что я постигала сначала четыре года в университете на кафедре маркетинга, а потом три года практиковала в рекламном отделе газеты – все испарилось за один безрезультатный и бесполезный год в чуждой мне сфере.

Я стала настолько расхлябанной, что даже перестала составлять для себя расписание и строить планы. В моей жизни теперь вообще отсутствовали планы. Я через силу заставляла себя работать с клиентами, старалась как можно больше сидеть в офисе и копаться в никому не нужных бумажках. Теперь я уже не занималась ни итальянским, ни картинами, йогой только по настроению, кулинария и активная социальная жизнь были забыты. У меня не было больше интересных коллег дизайнеров, художников, фотографов и журналистов, которые горели своей работой, каждый раз рассказывали мне интересные истории и первой показывали фото с мест происшествий или разных событий. Теперь у меня были коллеги -зануды, которые чопорно двигались по коридорам в своих черно-белых костюмах, толпились у кулера, обсуждая друг друга, естественно за спиной и жалуясь на свою «тяжелую» жизнь.

У меня не осталось друзей, потому что ты забрал их с собой к той блондинке на мотоцикле. Они, конечно, звонили мне и даже предлагали встретиться, и я встречалась, но все наше

общение сводилось к тебе и к тому, как мне, наверное, плохо быть одной. А тогда мне не было плохо. Я пережила твое предательство абсолютно спокойно. Я даже поблагодарила Бога, что ты ушел именно сейчас, а не сломал мне жизнь через некоторое время. Я хотела говорить с друзьями о своих планах и мечтах, о новой работе, картинах, будущем путешествии, но они все сводили к тебе. Поэтому я решила завести новых. Но это оказалось не так-то просто.

Так моя жизнь пересохла как ручей, в устье которого свалился валун. Из бурлящего источника лихо бегущего по склонам, прокладывающего себе дорогу и огибающего все неровности, она стала похожа на тонкую струйку, которая еле-еле текла.

Я прочла свое резюме и не стала его сильно редактировать, только обновила последнее место работы. После разместила его на нескольких сайтах по трудоустройству и разослала по разным объявлениям.

Хотя я и знала, что без работы мне никак не выжить, одновременно мне не хотелось никуда устраиваться. Внутри сидело ядовитое чувство, что я вновь наступаю на те же грабли. Я решила, что соглашусь только на ту работу, которая действительно меня будет радовать и приносить вместе с деньгами настоящее удовольствие.

Глава 3

Вакансии, которые меня привлекали, были заняты. Свободные не устраивали – слишком маленькая зарплата и фирмы настолько крохотные и бесперспективные, что я не отправилась бы туда даже предлагать страховку. Надежда оставалась лишь на одно объявление и меня пригласили туда на собеседование.

Мне нравилась компания – сеть люксовых супермаркетов «Гурман», где всегда продавались редкие продукты: специи, сыры, сорта спагетти и вина. Я – гурман и поэтому обожаю гулять по этим супермаркетам в выходные и покупать разные пряности, аккуратно нарезанное мясо, тирамису и листы для лазаньи. У владельцев этих супермаркетов определенно был хороший вкус, и я знала, что мы во многом сойдемся. Я уже представляла, как буду получать удовольствие от рекламы, которую буду придумывать и размещать в прессе. Если, конечно, они возьмут меня к себе в рекламный отдел. Хотя в этом я почему-то не сомневалась.

Я точно буду в восторге от своих плакатов с изображением хрустящих французских багетов с чесноком и сдобных булочек, которые мы повесим в хлебном отделе. Я буду в эйфории от подготовки к Новому году, когда во всех «Гурманах» будет пахнуть корицей и мандаринами, а полки будут украшены элегантными салфетками, еловыми ветвями и белоснежными снеговиками. Придуманные мной рекламные афиши будут печататься в завораживающе-красивых глянцевах журналах и люди будут приходить в восторг и подтирать слюнки от аппетита, который пришел к ним пока они разглядывали мою красочную иллюстрацию. Все бы устремились к нам в супермаркеты и полюбили бы их, как я – с первого взгляда и первого кусочка наисвежайшего фермерского сыра, который я смогла купить только здесь. Я бы расхаживала между торговыми рядами как заботливая фея-волшебница, поправляла бы витрины, любуясь своей работой и довольными посетителями.

Перед собеседованием у меня был невероятный душевный подъем, ведь я шла устраиваться на лучшую работу в мире. Любовь к магазинам, поход в которые всегда предшествовал празднику и уважение к их руководству, которое все делает с таким старанием для меня самой были гарантией работы с душой и полной самоотдачей.

Я освежила лицо пудрой, подвела тонкие и неброские стрелки, накрасила губы помадой нежно-розового цвета. Шифоновое платье цвета лаванды с подолом «солнце» и строгий бежевый пиджак в тон лаковым бежевым лодочкам выдавали творческую натуру и одновременно поддерживали строгость в тон предстоящей встрече. На щеках горел румянец, прыщ прошел, а

от кругов под глазами не осталось и следа. Я последний раз взглянула в зеркало, взяла сумочку, выпрямила спину и отправилась навстречу мечте.

Спустя два часа я вышла из кабинета коммерческого директора сети люксовых супермаркетов «Гурман» абсолютно обессиленная, раздавленная и, кажется, обескровленная. Целый час я чувствовала себя словно на допросе под упорным взглядом шести глаз, которые рассматривали меня и каждый мой ответ подвергали сомнению. Шесть глаз, конечно же, было не у директора, хотя иногда мне так казалось, там была подмога.

Подмога состояла из заместителя – женщины внушительных размеров, но с добрыми ямочками на щеках. Она постоянно переспрашивала мои ответы, как бы надеясь, что где-то я споткнусь и разоблачу себя. Кроме нее была худенькая молодая девушка с голубыми глазами – работник отдела кадров, она все время молчала и только подавала коммерческому директору мои документы, которые вначале рассмотрела сама. Атмосфера стояла напряженная. Не хватало только лампы, светящей прямо в глаза и немецкой речи.

Коммерческий директор оказалась девушкой. Молодой и красивой, хотя после собеседования это первое впечатление полностью улетучилось. По моим подсчетам ей не было и тридцати лет. У нее был открытый взгляд, приятное лицо, длинные, слегка выющиеся волосы и дорогой парфюм. Когда я вошла девушка – коммерческий директор пила чай из большого бокала и что-то читала с монитора компьютера. У нее был ровный и приятный голос и в первые моменты нашего знакомства я подумала, что мы с ней точно сработаемся. Именно такую шефиню я хотела. Но когда она начала задавать вопросы касательно моих навыков и практических знаний по маркетингу я поняла, что место здесь мне и не светит.

Я была креативщиком, иллюстратором, художником с отличным знанием рекламных основ, я могла придумать все что угодно. Когда директриса, а я прозвала ее именно так, спросила, что для меня означает «заниматься маркетингом» я ответила: «Это значит творить. Делать то, что видят другие люди и видеть результат своей работы». И я была вся в этом утверждении. Мне всегда нравилось придумывать оригинальные рекламные иллюстрации и акции, я любила беседовать со своими клиентами и в ходе разговора «генерировать» идеи о том, что им можно сделать, что бы их товар продавался лучше. Поэтому я считала себя отличным маркетологом, ведь я всегда интуитивно и очень точно определяла, чего хочет клиент и что будет эффективно. Но я упустила важный момент – я никогда не занималась расчетами и исследованиями. В газете это было не нужно, в страховой компании и подавно. Все что от меня требовалось раньше – придумать и реализовать проект и получить за это деньги.

Здесь тоже нужно было креативить, но кроме этого нужно было проводить кучу скучных и, по сути, никому не нужных расчетов, которые я терпеть не могла. Но судя по всему, директриса их обожала. Она задавала и задавала мне вопросы по узким сферам исследований рынка и потребительских предпочтений, а я выкручивалась как могла, лишь бы не упасть в грязь лицом. После того как я находила ответ, на меня обрушивалась тяжелая артиллерия вопросов от заместителя. К концу собеседования у меня проступил пот на лбу от напряжения и я услышала стандартный ответ: «Спасибо, что пришли. Мы вам обязательно позвоним». По их лицам и поджатым губам девушки из отдела кадров было понятно, что мне никто не собирался звонить, каким бы классным креативщиком я не была и каким бы хорошим маркетологом я себя не считала.

Я спустилась вниз по эскалатору и оказалась среди полок с красиво расставленными продуктами и манящими упаковками. Взяв тележку, прошла между рядов. У кассы тележка была полна. С расстройства я накупила всякой ерунды, заплатив сумму равную моим расходам на неделю.

Ласковая и солнечная майская погода резко поменялась. Ветер так разбушевался, будто хотел сорвать с меня одежду. Подол платья то и дело поддавался порывам и демонстрировал всем прохожим мою задницу в трикотажных трусах. Пытаясь удержать юбку на месте, я уро-

нила сумку, а еще через несколько минут стало темно, грохнул гром с молнией и полил дождь. Снова дождь. Я прыгнула в первый подвернувшийся автобус. Оказалось, что он останавливался дальше моего дома на целых два квартала и в итоге мне пришлось идти пешком под жутким ливнем.

Я вернулась домой промокшая и злая. Две упаковки замороженной пиццы, которую можно приготовить в микроволновке за пятнадцать минут, полкило сливочного мороженого, шоколад и бутылка красного вина должны были хоть как-то порадовать меня после этого кошмарного дня.

Первым делом я откупорила вино. Перед ужином решила принять ванну, чтобы не заболеть после ливня и смыть позор, который навлекла на себя своей пышной юбкой.

Лежа в пенном кипятке, я пила вино и жизнь постепенно перестала казаться мне такой ужасной. Ну и пусть меня не приняли в «Гурман». Что-то внутри меня успокаивало и будто шептало, что это к лучшему. Ну и что, что я одна? Зато мой покой никто не нарушает, я могу спокойно лежать в ванне и потягивать вино. Ну и пусть я пока не знаменита, это точно еще придет, нужно наслаждаться покоем пока он есть. Мой маленький мир был прекрасен и уютен, здесь я предоставлена самой себе и могу делать все что захочу. На этой почти счастливой мысли я прервала свой моцион и пошла ужинать. Пока пицца медленно вертелась в микроволновке, прихлебывая вино, я щелкала по каналам телевизора в поисках достойной компании к своему ужину.

На одном из каналов шло какое-то ток-шоу, где обсуждали знаменитую певицу – Даная. Уже больше года она болела раком и я решила посмотреть эту передачу, вдруг скажут что-нибудь интересное. Меня всегда вдохновляли истории людей, которые справились с каким-нибудь тяжелым заболеванием или научились жить с ним. Например Луиза Хей, которая сама вылечила свой рак, молоденькая девочка-модель с синдромом Дауна, Анастейша и Кайли Миноуг, пережившие рак груди. Благодаря их примерам я верю, что даже если я тяжело заболею или мои дети родятся с каким-нибудь страшным синдромом – я справлюсь. Поэтому в этой передаче я ожидала услышать историю чудесного исцеления прекрасной Данаи и увидеть ее в финале программы здоровую и как всегда блистательную.

Но то, что я услышала повергло меня в кратковременный шок и пошатнуло мировоззрение. Даная умерла. Промучившись два года, пережив несколько операций и курсов химиотерапии, она скончалась. Я досмотрела ток-шоу до конца, просидев на месте и ни разу ни шелохнувшись. Мне хотелось как можно больше узнать о Данае и последних минутах ее жизни.

Прекрасная певица была очень стойкой, не только в борьбе с болезнью, но и всегда по жизни. Она много работала, всегда старалась все сделать еще лучше, чем есть. Я не могу сказать, что у нее были глубокие и проникновенные песни с серьезным смыслом, но этого и не нужно было. Ее легкий репертуар как раз подходил под весь ее образ – высокая шатенка с голубыми глазами, пухлыми губами и невероятной фигурой. Многие женщины хотели выглядеть как она, я же хотела жить как она. И вот теперь она умерла.

Находясь под впечатлением от последних событий, я все-таки решила поужинать. Полуфабрикатная пицца была практически не съедобной. Резиновая и безвкусная она проваливалась в меня лишь под натиском вина, которым я ее запивала. Медленно пережевывая куски, я смотрела на упаковку, где пицца так и умоляла: «Съешь меня, я такая аппетитная!». Какой-то иллюстратор явно постарался.

Я глубоко задумалась над своей жизнью. Даная умерла и сейчас ее оплакивают миллионы людей. А кто будет оплакивать меня, когда я умру? На похороны может и соберется человек десять и то один из них подчеркнет, что хоть я была хорошим человеком, но работник так себе, ведь я ни разу не выполнила план.

А ведь действительно, я не выполнила ни одного плана не только на бывшей работе, но и тех, которые касались лично меня. Я так и не стала художницей, не организовала выставку,

не продала ни одной картины, даже не выставила в интернет готовые работы, не побывала в Италии, не вышла замуж в конце концов. Если быть до конца честной, то все что я имею на данный момент – это только мечты.

В голове замельтешил протест, я вспомнила людей из автобуса, прохожих с улиц – мужчин и женщин с угрюмыми лицами, за которыми я всегда внимательно наблюдала по дороге на работу. Я не хочу быть такой как они. Не хочу думать о том, где достать денег на жизнь. Болеть из-за нервов. Всю жизнь работать на скучной работе, а потом выйти на пенсию и сидеть дома перед телевизором. В одиночку таскать тяжелые сумки с продуктами, купленными впрок по большим скидкам. Прятать торчащие вены на ногах и лечить диабет от плохой пищи. Не-хо-чу!

Хочу яркую жизнь, красивую, интересную. Таковую, чтобы даже в старости меня окружали интересные и ЖИВЫЕ люди, а не те хмурые зомби с фиолетовыми буклями, которые медленно передвигаются по улицам и все время что-то бурчат. Я хочу, чтобы меня окружали любящие дети и муж. Я хочу, чтобы меня уважали за мой труд и талант, а не тыкали им в лицо. Хочу увидеть мир, попробовать, наконец, фуагра и джелато, встретить рассвет в потрясающем месте и вырастить великолепный сад в своем загородном доме с бассейном. Мне нужно стать знаменитой и богатой художницей. Если я сделаю это, то у меня получится все остальное. А сейчас у меня есть только немного денег, чтобы арендовать свою маленькую двухкомнатную квартиру еще несколько месяцев, тридцать готовых картин, упаковка резиновой пиццы и ни одного человека рядом, который может обнять и сказать: «Ну, что ты расклеилась, соберись, у тебя все будет хорошо».

Глава 4

Утро далось нелегко. Вчера я допила всю бутылку вина, и теперь каждый удар сердца эхом отзывался в висках. Вдобавок меня еще и знобило. На всякий случай я решила смирить температуру: тридцать восемь и пять.

За окном было пасмурно. Вчерашние тучи не хотели рассеиваться и грозили городу новой порцией ливней.

Неожиданно позвонили в дверь. Я посмотрела в глазок. Олеся. Моя коллега и единственный новый друг, которого я смогла найти благодаря бывшей дурацкой работе. Внезапно, но приятно. Я поспешила открыть.

– Привет! Ну как ты тут? – она расцеловала меня в обе щеки и сразу же прошла на кухню, – времени у меня мало, сама знаешь. Решила забежать к тебе на чашку чая. Угостишь?

– Конечно. Как ты? Как дела?

– У меня все хорошо, а вот у тебя видимо не важно, – она недовольно покосилась на пустую бутылку вина.

– Нет, все нормально. Просто вчера...

– Тоже смотрела эфир про Данаю? Ужас. Мы с дочкой в слезах просидели всю передачу. Какая страшная несправедливость, – и она прервалась, чтобы сделать глоток горячего чая.

Олеся тараторит почище любого диктора. Видимо эта привычка выработалась у нее с годами. Она мама двух дочек и дома у нее постоянно что-то происходит. Раньше на работе каждое утро начиналось с ее рассказов о семейной жизни. Муж, мама, свекровь, дети – все что-то говорили Олеся и это вызывало в ней разные эмоции. Ее рассказы всегда согревали меня, они всегда имели насыщенное и богатое содержание, были полны семейных отношений, детского смеха или плача, шуток, старых поговорок, которыми пользуется ее мама – не всегда приличных, но очень смешных. В общем, Олеся из тех людей, что живут нормальной жизнью в больших семьях, а не топят свою печаль в ванной и бокале виски с колой и за это я ее обожаю.

С приходом бывшей коллеги моя холодная квартира заполнилась легкой болтовней и восхитительным ощущением чьего-то присутствия. За дни без работы я сильно соскучилась по

людям, а особенно по ней. Так как Олеся сильно торопилась, слова вылетали из нее быстрее, чем обычно:

– Но самое главное. Ты не представляешь! Наш шеф!

– Что?

– Тоже умер! Царствие ему небесное и слава тебе, Господи!

– Умер? Как?!

– А вот так. На тренировке. Несчастный случай с беговой дорожкой. То ли поскользнулся, то ли дорожка сломалась и закрутилась быстрее, но факт в том, что он неудачно упал и разбил себе голову.

– Надо же. Какой ужас.

– Ужас. Ужас. Это ему прилетело за нас всех. Нельзя так обращаться с людьми.

– Что ты говоришь такое. Перестань.

– А то. Этот коротышка постоянно реализовывался за счет других. То, как он разнес тебя, до сих пор обсуждают. Все на твоей стороне, кстати. Нельзя так к людям относиться.

– Но и не помирать же из-за этого. Я не думаю, что он был таким уж и чудовищем, чтобы умереть вот так.

Мне вспомнился шеф. Невысокий, седой, с озером лысины посреди макушки. Всегда в идеально выглаженном костюме и накрахмаленной рубашке. Он приходил на работу раньше всех и уходил позже – проверял, кто сколько работает и как часто опаздывает. До последнего работал с клиентами, хотя его должность этого уже не требовала и часто выезжал на встречи вместе с нами. Он был предан своей работе и компании, потому что был здесь с самого начала, но подчиненные его невзлюбили, потому что он не терпел ни малейшей оплошности и проступка. Сначала он отчитывал, выговаривал, часто публично, а потом увольнял. Как меня. И хотя Олеся и твердила, что меня уволили несправедливо и шеф получил по заслугам, я знала, что в увольнении была виновата сама.

Допив чашку чая и поинтересовавшись моими планами по поводу поиска работы, моя единственная подруга исчезла так же быстро, как и появилась. Я снова осталась одна.

Мне снится сон. Темный, тяжелый, бесконечный. Я пытаюсь проснуться, но не могу. Во сне бегу по каким-то развалинам, которые рушатся после каждого моего шага. Здесь темно. Страшно. Вокруг ни души. Земля гудит и стонет под ногами, что-то где-то дымит, и мне только и остается бежать вперед. Вдруг отчетливо доносится телефонный звонок. Я судорожно пытаюсь найти, где здесь, среди руин может быть телефон. Я очень хочу ответить. Вдруг меня могут спасти. Ищу телефон, заглядываю под каждую глыбу бетона, но телефона нигде нет, а звонок между тем только усиливается. Я чувствую, что ключ к моему спасению где-то рядом, но его нигде нет. И тут я просыпаюсь.

Телефон звонит по-настоящему и я еле успеваю ответить.

– Алло, Алиса? Это ваша, кхм-кхм... тетя. Анна, – говорившая на том конце провода была смущена и, казалось, подавлена, – сегодня ночью мой муж... ваш дядя... Он... умер.

Рыдания заглушили тишину вокруг меня и телефона.

– Анна, да-да, я вас узнала. Что случилось?

– Он болел. Приходите послезавтра. Прощание состоится у нас дома.

Она снова заплакала и положила трубку.

Тяжелый и липкий сон все еще держал меня в своих оковах. Кажется, я еще не проснулась до конца. В голове гудит, все тело ломит. На часах половина шестого вечера – я проспала целый день. Что-то много смертей в последнее время. Как бы и меня не зацепило. Хотя, чем моя жизнь отличается от смерти? Практически ничем, существуя в своем маленьком мире, полном

тоски. Ни любви, ни радости. Так, одни грустные мысли. У меня нет даже парня, в которого я могла бы влюбиться, пусть бы он меня потом и бросил, но я хотя бы что-то чувствовала – любовь, грусть, злость. Хоть что-то кроме одиночества.

В день похорон я чувствовала себя будто пожеванная жвачка. Помятая и больная, хорошо хотя бы жар прошел. Хотелось отсидеться дома, но нельзя. Дядя был моим последним родственником по материнской линии.

Нехотя собираясь, я бродила по комнатам, то и дело, забывая что-то.

В очередной раз возвращаясь в спальню за косметичкой и проходя мимо зеркала, я вдруг увидела в отражении позади себя силуэт. Он исчез в ту же секунду, но этого было достаточно, чтобы я чуть не закричала от страха. Мне показалось, что в зеркале позади меня будто была еще одна я, только какая-то другая.

Сердце бешено колотилось и норовило выскочить из груди. Я быстро оделась в соседней комнате, стараясь не смотреть в зеркало, и вылетела из дома, не дожидаясь звонка от службы такси о прибытии машины.

Дом дяди – огромный особняк молча распахнул двери для мрачной процессии. Атмосфера стояла настолько траурная, что казалось, будто сами стены прощаются со своим хозяином. Дом молчал. Люди молчали. Мужчины и женщины, все в черных деловых костюмах и платьях. У всех на лице застывшее серьезно-грустное выражение лица. Все тихо перешептываются и по очереди подходят к гробу, чтобы сказать последние слова покойнику, а заодно и его так рано овдовевшей жене.

Анна – третья жена моего дяди и была на двадцать лет младше его. К слову, сейчас ей двадцать три. Даже я старше нее. В прошлом году она родила дяде сына. Я расспросила теперь Анну, о том, что произошло. Оказывается, дядя болел достаточно серьезно, просто это не разглашали. Врачи не могли поставить ему диагноз, так много различных симптомов у него было. Он мучился, в последнее время практически не спал, боль не давала ему уснуть. И вот позавчера он, наконец заснул, но уже навсегда.

Немного помявшись в холле и не увидев ни одного знакомого лица, я прошла в зал, где стоял гроб. Дядя выглядел очень хорошо, кажется, даже лучше чем при жизни. Дорогой костюм, накрахмаленный воротничок, ровно уложенные волосы и грим, который скрыл все следы усталости и болезни. Я поцеловала его в лоб, пожелала царствия небесного.

До похорон был еще примерно час, количество людей в доме все увеличивалось. Я заняла удобное место в углу зала и стала ждать, когда начнется процессия. Чтобы скоротать время я наблюдала за гостями. Сразу было видно, что мой дядя тщательно выбирал круг общения. Все пришедшие проводить его в последний путь с легкостью могли оказаться на страницах журнала «Forbes», если бы у него был провинциальный аналог.

Здесь присутствовали владельцы крупных торговых центров города, местный застройщик, парочка мелких чиновников, директор банка – всех их я знала по передовицам газеты, в которой работала год назад и по рассказам наших журналистов. Кроме «элиты» были и просто бизнесмены, кто-то один, кто-то в компании помощницы, чье внимание было полностью устремлено в телефон или супруги, разодетой в дорогие вещи, считающиеся писк моды, но никак не элегантного стиля. Все эти люди тихо переговаривались, выражали соболезнования и искоса косились друг на друга. Некоторые даже пользовались моментом, чтобы подойти познакомиться с чиновником или другим бизнесменом. Так похороны превратились в светское мероприятие, пусть и весьма мрачное.

Я наблюдала за всеми из своего укрытия. Дождь продолжал барабанить в окна. Дядя по-прежнему лежал в гробу, сверкая белоснежным воротничком и лаковыми ботинками. Тут и там были слышны фразы о его скоропостижной кончине, о том, что этот человек должен был прожить еще долго и том, каким для всех это стало потрясением.

На мой взгляд, похороны – то еще сомнительное мероприятие. На них приходят люди, которые общались с покойным достаточно редко, возможно потому, что считали его плохим человеком, завидовали ему или им просто было лень поддерживать с ним связь. Но в траурный день все дальние родственники и знакомые считают своим долгом проститься и собираются в зале с гробом, обсуждая то, каким милым, добрым, трудолюбивым, внимательным и хорошим был ушедший из этого мира человек. При жизни он абсолютно не был им интересен, их не волновали события, происходящие с ним и его самочувствие. Сейчас же все с нахмуренными бровями и грустным взглядом обсуждали болезнь покойного, кто-то говорил о каком-то новом способе постановки диагноза, кто-то о том, что дядя совсем не берег себя, работая круглые сутки.

Почему они говорят об этом сейчас? Почему они не позвонили ему, например, месяц назад и не сказали: «Приятель, я слышал, ты плохо себя чувствуешь. А попробуй ка ты вот это, вдруг поможет». Но никто и пальцем не пошевелил, никто не нарушил течения свих привычных будней, потому что людям на самом деле нет дела до других людей. Мы обращаем внимание на чужую жизнь только в том случае, если она прекращается или в ней появляется что-то из ряда вон выходящее, например рак или выигрыш в лотерею. Тогда мы можем сказать «Надо же, как неожиданно!» или прошипеть сквозь зубы, что так ему и надо или молча пытаться подавить свою зависть или злобу.

По сути, настоящую боль утраты и сожаление испытывают только самые близкие родственники и друзья, которые были рядом в самые последние дни и сложные минуты. Все остальные лишь соответствуют нормам приличия, которые на самом деле никто не оценит.

Если бы я сегодня осталась дома никто бы этого и не заметил. Если бы не пришел директор банка или тот мелкий чиновник всем было бы все равно. Если бы тот бизнесмен с дорогими часами не взял с собой свою супругу, которая судя по ее отстраненному взгляду, даже не знала моего родственника, покойный дядя даже не расстроился бы.

Вдоволь насмотревшись, я решила пройтись по дому и рассмотреть его. Иногда полезнее побыть одной, чем в окружении людей.

Надо сказать, что дом дядюшка отстроил себе просто шикарный. Двухэтажный с балконами, окружающими его по периметру, огромным залом, столовой, кабинетом, пятью спальнями, джакузи, бассейном и летней верандой. Я обошла оба этажа и задержалась в кабинете – здесь была огромная библиотека и я не смогла пройти мимо. Изучая коллекцию многотомников, которые красовались на бесчисленных полках своими красивыми переплетами, я невольно стала свидетельницей разговора двух женщин. Они, так же как и я, любовались интерьером дома и обсуждали семью дяди:

– Да уж, хорошее наследство достанется этой вертихвостке.

– У нее такой возраст, – со вздохом и сожалением вторила ей вторая, – в этом возрасте нужно учиться в университете и всю наслаждаться молодостью, а у нее уже ребенок и теперь такое наследство свалилось ей на голову.

– Да разбазарит она это наследство, ты думаешь в двадцать три она сможет управлять бизнесом мужа? Я вот что-то очень сомневаюсь.

– Может быть и разбазарит, я как раз об этом и говорю, что доля ей досталась совсем не по возрасту.

Я немного выглянула из комнаты, что бы увидеть говорящих. Женщина, которая утверждала, что молодая вдова пустит все по ветру, выглядела немного вульгарно. Она была в красных туфлях, которые сразу же бросались в глаза и при этом невыгодно подчеркивали ее толстые щиколотки и икры. Черное платье, совсем не дешевое, выдавало полный живот и большую грудь, которая и покоилась на нем. Поверх платья ее плечи украшала черная норковая пелерина, завязанная тонкой шелковой лентой. Весь вид ее говорил, что она пришла выразить соболезнования и заодно показать свой статус, а также то, что у нее есть деньги, а вкуса и умения

одеваться по случаю – нет. Говорила она довольно противным и громким голосом. По ее тону и манере держать себя было понятно, что это живое воплощение Шапокляк и Фрекен Бок в одном флаконе – она всегда права и знает за других как им жить и что делать.

Ее собеседница выглядела немного скромнее, но тоже не бедно. Серый строгий костюм, идеально сидевший по фигуре, лаковые туфли, полное отсутствие макияжа и волосы с проседью затянутые в идеально гладкий пучок. Голос у нее был приятный и даже ласковый, взгляд мягкий, хотя она и казалась женщиной довольно строгой и уверенной в себе.

– Да и мужа она выбрала совсем не по возрасту! – раздражаясь ответила Шапокляк-Фрекен Бок, – или ты думаешь такого будущего я хотела для своей дочери?! Старика годящегося ей в отцы и одинокую молодость с ребенком на руках?!

Подумать только, это теща моего дяди! Мать той бедной девушки, которая сейчас принимала соболезнования с самым потухшим взглядом, который я когда-либо видела.

– Ну-ну не кипятись, зато ее одинокая молодость очень хорошо обеспечена, а ты как мудрая мать поможешь ей управиться с наследством и сыном. А потом, как Бог даст, может быть, она и выйдет замуж через год-другой. А здесь присутствует еще кто-то из родственников? Я плохо знакома с вашей семьей? – приятная женщина явно хотела перевести тему, чтобы Шапокляк перестала возмущаться моим дядей так громко.

– Пришла. Племянница.

– Племянница, значит, у него все-таки есть родня?

– Родня была. Только, что толку, если все разгильдяи и бездельники. Его сестра – мать этой племянницы алкоголичка. Спилась. Про остальных не знаю. Боюсь, что и племянница, как ее там зовут, не помню, не далека от примера матушки, навряд ли из таких семей выходят порядочные люди.

Мне захотелось выйти из своего укрытия и высказать ей в лицо все, что я думаю про таких вот умудренных опытом особ, которых больше всего заботит общественное мнение. Да, моя мама не была образцом для подражания. Да, женский алкоголизм – это проблема, но это не значит, что он передается по наследству и что я стану такой же. Я, между прочим, до недавнего времени работала в страховой компании, очень престижной и известной и еще могу оплачивать себе жилье и покупать строгие платья, в которых можно прийти на деловой прием. Но собственно, больше мне особо гордиться и не чем, но человек то я порядочный.

Женщины ушли дальше и продолжили свой разговор, наверное, так и обсуждали меня и мою семью, а я осталась стоять в кабинете, рядом с нетленной классикой Толстого и Достоевского и чувствовала себя маленькой девочкой, которая вся чем-то перемазалась и которую никогда не будут воспринимать как серьезного и взрослого человека.

Вдруг мой покой был нарушен – в кабинет буквально ворвался молодой человек, говорящий по телефону. Видимо, ему нужно было место, где можно обсудить что-то серьезное без лишних ушей и глаз и он думал, что он его нашел. Он не заметил меня и прошел от двери к окну внимательно слушая, что ему говорят. Потом он немного нервно и нарочито замедленно начал объяснять человеку на том конце, что нужно делать:

– Послушай! Сей-час ты вой-дешь ту-да и ска-жешь, чтоо сделка от-ме-ня-ет-ся. Отменяется! Понятно! У нас нет главного партнера! Он умер! Так им и передай! Да! Скажи им, что я свяжусь с ними после того, как все утрясется.

Он положил трубку, повернулся и увидел меня. Я стояла немного испуганная таким резким и грубым тоном, снова стала свидетельницей чужого разговора, хоть он мне и никак не был интересен. Лоб молодого человека немного напрягся и густые красивые брови сдвинулись ближе друг к другу.

– Вы все время здесь были? – его голос был уже не такой резкий, как во время телефонного разговора.

– Да... – испуганно ответила я, – но я не хотела...

– Нет-нет, извините – его брови расслабились и красивые зеленые глаза смотрели уже не так строго, – это я виноват, что невольно втянул вас в этот разговор, да еще и так грубо сказал, что партнер умер... Вам, наверное, и так плохо. Это же ваш отец?

– Отец? Кто? О! Нет, что вы! Это мой дядя. Мне, конечно грустно, но не так, чтобы совсем плохо. Мы практически не общались и я... – во мне затараторила та маленькая, чумазая девчонка, которую вот-вот отругают.

– Ну, тогда мне легче, но вы все равно извините. Здесь такая напряженная обстановка, а на работе еще хуже, дела не останавливает никакая смерть, – он подошел ко мне ближе и протянул руку – Марк, партнер вашего дяди.

– Алиса, – я протянула руку в ответ и ощутила приятное мягкое прикосновение его ладони. Он улыбался красивой улыбкой. Ну, что за молодец у меня дядя, какой отбор окружения, вы только посмотрите. Я незаметно бросила взгляд на правый безымянный палец Марка – не женат, отлично, вдруг эти похороны не пройдут для меня впустую.

Мы улыбались друг другу, не зная, что сказать, как всех позвали в зал, чтобы начать процессию. Людей стало заметно больше. Многие гости приехали на своих машинах, а тех, кто пришел пешком, как я, например, подсаживали к тем, что с транспортом. Я очень надеялась, что меня возьмет с собой Марк, но он постоянно говорил по телефону, а потом сел в джип и уехал один. Возможно, его не будет на кладбище. Мне досталось место у одной престарелой пары, как выяснилось потом, это были мои очень дальние родственники, настолько дальние, что я ни разу о них не слышала.

Всю дорогу до кладбища они расспрашивали меня о маме, потом обо мне.

Есть у меня такое определение «ложная забота». Я сама его придумала и отношу к тем случаям, когда малознакомые люди начинают выспрашивать о моей жизни, например, вышла ли я замуж, почему до сих пор не родила детей, почему работаю там-то, а не там-то. Они задают очень личные вопросы, которые касаются только меня. Расспрашивают о личных планах, которые я кропотливо выстраиваю перед сном, а потом, узнав все, бьют по самому больному, пытаются подстроить тебя под шаблон своей жизни.

Они говорят тебе: не нашла мужа до двадцати пяти – уже будет сложнее; чем ближе ты к тридцати, тем тяжелее рожать, с этим могут быть проблемы; в таком возрасте у девушки должна быть приличная работа и т.д. И таких ложнозаботливых людей очень много и все они хотят ткнуть побольнее, как будто если ты не родила к двадцати пяти троих детей, как например эта старая леди, и не выглядишь к пятидесяти как потертая калоша, то ты очень сильно нарушаешь все жизненные законы и их привычный уклад. И самое ужасное, что таким людям важно просто дать совет, они думают, что делают это для твоего же блага, но не осознают, что их забота никому не нужна.

На кладбище я приехала злая, мне так надоела нотация этих родственников, что хотелось похоронить их рядом с дядюшкой. Погода стояла скверная, дождь лил, не переставая, вокруг были лужи и грязь. Вороны летали над крестами и памятниками и громко каркали. Наша нескромная процессия медленно шла между могилами, то и дело, останавливаясь, когда кто-нибудь не мог преодолеть лужу. Я старалась держать подальше от своих дальних родственников и очень сильно хотела увидеть Марка.

Дядю похоронили быстро. Анна рыдала в голос. Шапокляк-Фрекен Бок даже не подошла, чтобы успокоить свою дочь. Никто не подошел, но решила подойти я. Пусть все думают про нее, что хотят, а мне жаль видеть девушку в таком прекрасном возрасте оставшуюся одну. Я решила ее поддержать. Она подняла на меня свои огромные глаза, полные слез и увидев, что никому кроме меня нет до нее дела разрыдалась еще сильнее.

После кладбища мы поехали в ресторан на поминальный обед. Поминальные обеды – это то, что я ненавижу больше всего на свете. Это еще страннее, чем сами похороны. Тебе нужно есть, но при этом все вокруг рыдают и говорят трогательные слова и кусок в горло не лезет.

Я выбрала место подальше от своей престарелой пары и оказалась рядом с какими-то мужчинами в костюмах. Они практически не разговаривали и не жаждали познакомиться со мной, поэтому я уже надеялась спокойно и плотно отобедать.

В середине трапезы начала говорить тост молодая девушка, кажется это моя двоюродная сестра, мы с ней не виделись с самого детства, когда папа ушел от мамы и она начала спиваться. Уже тогда я стала плохой компанией для родни. Лицо у сестры было заплаканным и говорить ей было очень тяжело. Но, тем не менее, все мы услышали следующее:

– Папа был прекрасным отцом, добрым и заботливым, – потом пауза и всхлипы, слезы. – Он всегда любил меня и заботился обо мне, и я думаю, о каждом кто здесь присутствует. Он ничего не мог оставить просто так, без своей помощи, – а я бы утверждала иное, нас с мамой он легко оставил. – Папа умер очень рано, – продолжала она то и дело срываясь на плач, – У него совсем маленький сын, а скоро должна будет появиться и внучка, – в зале поднялся гул голосов удивления, – Да, я жду ребенка и нам оставалась всего два дня, чтобы узнать пол. Папа как раз накануне смерти спрашивал, кого ему ждать, но он так и не увидит свою внучку и не сможет с ней помянчиться.

Вот здесь мне стало не по себе. Получается, человек действительно умирает не вовремя. И самое главное, что никто не может даже приблизительно предугадать дату своей смерти. Дядя не знал, что он умрет так скоро, хотя и болел. Он хотел жить, нянчиться с внуками, играть с сыном, но все закончилось за одну ночь. Господи, я тоже могу умереть в любой момент, прямо сегодня меня может сбить машина или ударить током. И страшно даже не то, что я умру, а то, что я не исполнила ни одну свою мечту. Ни одну, даже самую маленькую.

Все уходили с поминального обеда хмурые и молчаливые, я – стремительная и решительно настроенная. У меня уже был план, к которому я не знала, как приступить. До этого момента. Теперь я впервые точно знала, что делать и уже ничего не боялась.

Глава 5

Я лежу на диване и смотрю в окно. Снова идет дождь. Крупные капли барабанят по стеклу. Потоки воды стекают по листьям, стенам домов, окнам и зонтам прохожих. Только что из всех сил отгремела летняя гроза, и теперь город купается в ручьях, льющихся с неба.

Сегодня утром я закончила очередную картину. Мольберт с еще невысохшим холстом стоял около окна. На нем зеленеет луг и бежит речушка. Самое красивое здесь – закат. На него я потратила больше недели. Ярко красное солнце озаряет облака оранжевым и багрово красным. Пейзаж пересекает линия от пролетевшего самолета, белая сверху и фиолетовая снизу.

Я смотрю на картину и переносусь в то место, которое изобразила. Это реальное место, в детстве я там гуляла и ловила кузнечиков. Совсем недалеко от дома, где я выросла, текла река и хотя на ее берегу раскинулся большой городской парк, мы ходили играть на широкий и просторный луг, который простирался за ним. Именно он был изображен сейчас на холсте. И именно этот закат я видела тогда, в далеком детстве. Это зрелище, эти неестественно яркие для неба цвета подтолкнули меня к рисованию.

В попытках изобразить то прекрасное, что я видела, я малевала на всех чистых листках, которые попадались мне дома, карандашами, акварелью, гуашью, мелками – всем, что могла позволить купить моя бабушка. Один раз, когда у меня кончились краски, она слезала на чердак и достала оттуда деревянную коробку, закрывающуюся на тонкий резной крючок. В этой коробке хранились мамины рисовальные принадлежности. Несмотря на время, они сохранили свои функции и я продержалась без покупки новых до первого сентября.

Закат, поразивший тогда мое воображение, я помнила до сих пор. Иногда от воспоминаний мне щемило сердце – так я хотела вернуться в детство. Хотя его и нельзя было назвать безмятежным. Мама пила, папа ушел и меня воспитывали бабушка Галя и ее мать – праба-

бушка Тоня. Баба Галя и баба Тоня, как я их назвала, справлялись очень хорошо. Их я любила так сильно, что даже не скучала, когда мать надолго пропадала из дома. И все было бы замечательно, если бы не скандалы, которые мать устраивала, приходя домой пьяной. Казалось, что в нее вселялся дьявол. Ее крик до сих пор стоит у меня в ушах. Она била старенькую бабу Тоню, ругалась, швыряла предметы. Один раз она стянула скатерть со стола, где мы пили чай с только что испеченными прабабушкой пирожками. Вся посуда упала и разлетелась вдребезги. Я была маленькая, но не плакала. Я как будто уже тогда понимала, что мне надо поддержать бабушку, а моих слез она не вынесет. И я молча смотрела, как беснуется моя мать, а сделать ничего не могла.

Мы не знали, в чем мы виноваты, но она говорила, что мы испортили ей жизнь. Она кричала об этом, выходя во двор и на улицу. Все соседи слышали ее пьяный ор, но никто ничего не делал. После этих истерик она засыпала, а на утро ни перед кем не извинялась и не просила прощения. Она не чувствовала себя виноватой даже передо мной. Напротив, она говорила, что это я порчу ей жизнь, связываю руки своим присутствием.

Когда я подросла, мама вышла замуж второй раз и родила от нового мужа двоих детей. Я отошла на задний план. Теперь я в основном общалась с бабушками, изредка с папой, который приезжал навестить меня в День рождения или на Новый год.

Спустя еще некоторое время мое детство перестало быть детством. Баба Тоня слегла и через два месяца умерла. Баба Галя заболела и жила у себя, приходя к нам лишь тогда, когда позволяло самочувствие. Мать стала пить еще сильнее, мой отчим пил вместе с ней. Теперь их уже никто не останавливал и не ограничивал. Я готовила еду из того, что было в доме, следила за маленькими сестренкой и братишкой.

Хуже стало, когда отчим начал избивать мать. Те кошмарные, глухие удары по телу и мамин стон я до сих пор иногда слышу во сне. Мне было страшно не за себя, а за маленьких. Ведь у меня за спиной уже было детство и любовь, пусть не от мамы, а от заботливых и добрых бабушек, малыши же не видели ничего кроме пьяных скандалов и драк.

Пьянки и побои стали повторяться каждый день, доставалось уже не только матери, но и моим младшим. Меня не трогали – боялись отца. К этому времени я уже не водила детей в детский сад, потому что у нас не было денег даже на еду. Нами заинтересовались службы опеки.

В холодный ноябрьский день, когда на улице шел снег с дождем и у нас дома стоял сырой холод из-за того что никто не топил печку, моих братишку и сестренку увезли на серой машине в детский дом, а меня забрал отец.

Матери было все равно. Она стояла у калитки и курила. На лице была злость, вперемешку с безразличием, а может с бессилием. Она даже не говорила, что она нас заберет, изменится и все будет по-другому. Попрощавшись с нами молча, абсолютно хладнокровно, без слез или даже капли сожаления, она сделала последнюю затяжку, выбросила сигарету, и войдя во двор, закрыла за собой калитку.

Спустя некоторое время она умерла.

Тогда, в четырнадцать лет, мое детство закончилось окончательно. Хотя папа старался и давал мне все, что было нужно, мне было тяжело и горько от того, как сложилась наша жизнь. У моих одноклассниц были заботливые родители. Даже если кого-то мама воспитывала одна, они не видели тех страшных вещей, которые видела я. Мне было тяжело смириться с тем, что я вижу своих младшеньких только в детдоме. Еще сильнее разрывало душу, когда братик плача просил меня забрать их с собой, а я не могла. Папа не хотел привечать их у себя.

Теперь, когда мы повзрослели, наше общение сократилось до стандартных звонков по праздникам. Мы никогда не обращались друг к другу за помощью и уж тем более не делились тем, что происходило у нас в жизни. После стольких лет порознь никто не имел большого желания выстраивать тесные родственные отношения.

Мне кажется, так произошло из-за того, что когда мы были все вместе, нам было больно. Мы не умели общаться в нормальной атмосфере, в той жизни, которой живут «обычные» люди, у которых непьющие родители и никто не бьет их мать. Мы ассоциировались друг у друга с плохим прошлым, хотя со временем многое и забылось. Сейчас я понимаю, что период, когда мы уже остались без присмотра бабушек я абсолютно не помню. Он будто стерт из моей памяти.

Зато у меня сохранились приятные моменты, как например тот закат или коробка с карандашами, или детские книжки, тоже с чердака. Они пахли старой бумагой и пылью и это было прекрасно. Еще я люблю вспоминать вкус прабабушкиных пирожков и запах дыма, когда она топила печку в первые дни осени. Я до сих пор помню огромного паука в кустах крыжовника, который напугал меня до смерти и кота Ваську, гревшего меня и бабушку, когда мы, лежа рядом, смотрели вечерние новости.

Я никогда не забуду как в новогоднюю ночь, когда мы с бабушкой Тоней остались вдвоем, я выглянула в окно и поразилась тому, как снег искрился от яркого света серебристой луны. Этот блеск тогда показался мне ярче, чем сверкание бриллиантов. Ту волшебную ночь я тоже изобразила на холсте.

Картины стали моим своеобразным дневником памяти. Я старалась передать на них только хорошее, только то, что вызывало во мне самые теплые детские эмоции. Восторг от красоты природы – закатов, рассветов, полнолуний. Радость от ведерка малины, которое мне привозил папа. Настроение, когда в конце лета ты начинаешь ощущать легкий аромат приближающейся осени. Умиротворение от снегопадов и метелей, за которыми я наблюдала из окна комнаты, согретой огнем старой печи.

Все это я кропотливо вырисовывала днями напролет и даже по ночам. Я не помню, чтобы мне хотелось спать. Приятные эмоции от того, что я изображала, давали силы продолжать работу. Я погружалась в какое-то красивое детство, как будто бы даже не мое.

Я писала эти картины, что бы те, кто их видят, могли бы тоже погрузиться в приятные воспоминания, поностальгировать о беззаботном времени детства. Глядя на мои работы, ощутить вкус сочных ягод, только что сорванных с куста и еще теплых от солнечных лучей или прикосновение снежинок во время первого снегопада.

Я исполняла свою мечту. Это и было моим планом. Тогда, после похорон, я решила во что бы то ни стало осуществить свое давнее намерение стать художницей. С того дня я трудилась над холстами не покладая рук. Я не разговаривала по телефону, не смотрела телевизор, не читала новости. Каждое утро начиналось теперь очень рано с прогулки по городу. Я впитывала запах еще пустых улиц, мокрого асфальта, свежего воздуха. Наблюдала за людьми, чей день только начинается, смотрела на их лица и настроение и шла домой творить.

Я рисовала с надеждой, что несусь в мир что-то позитивное, что-то хорошее и доброе, чего так не хватает взрослым среди обыденных дел и забот. Я отгоняла все мысли о том, что таких художников как я сотни и тысячи и что наверняка многие из них талантливее меня. Я запретила сомнениям появляться в моей голове. Я решила дать себе шанс. Сделать, показать и только потом узнать, что скажут о моих работах. Как ни странно, как только у меня появилось твердое намерение, у меня появилась и дисциплина. Я вновь стала превращаться в ту Алису, которая была до разрыва со своим женихом, до закрытия газеты и до работы в страховой фирме. Я как птица-феникс начала возрождаться из пепла.

Каждое утро я спрашивала себя, хочу ли я отдохнуть, хочу ли я сделать что-то приятное для себя. И мой внутренний голос, который уже не звучал ни как ЕГО голос, ни как бабушкин, а как мой собственный, спокойный и тихий, отвечал мне, что самым приятным для меня сегодня будет дописать этот закат.

И вот сейчас я размышляла о своем творческом пути глядя на дождь. На полу вдоль стены стояло пять новых холстов. На мольберте у окна красовался шестой. Все они были закончены.

Все грели мою душу чувством удовлетворения от проделанной работы. Чуть поодаль стояли тридцать старых работ.

Умные люди говорят, что для того чтобы мечта осуществилась, мы должны не просто мечтать, но и трудиться. На этот раз я потрудились хорошо, у меня был результат. Теперь этот результат нужно красиво разыграть как припасенный туз в рукаве. Известные художники продают свои картины, мне тоже нужно было стать известной художницей и продать то, что я написала.

Глава 6

Лавочка, на которую я уселась была раскаленной. Ситуацию ухудшал горячий шоколад, который я додумалась купить в сорокаградусную жару и туфли на высоченных шпильках, которые натерли ноги до кровавых мозолей. Сегодняшний день было мало назвать просто ужасным или паршивым. Он был самый неудачный в моей жизни. Сегодня я пыталась устроить свою выставку.

У меня было тридцать шесть оконченных работ и я хотела, чтобы мир мог их увидеть. Годы, проведенные в рекламе научили меня, что как бы хорошо ты ни делал свою работу, о тебе никто не узнает, пока ты не заявишь о себе должным образом.

Я хотела заявить о себе. Я думала, что это будет легко. Тем более что я покоряла не столицу, а лишь наш маленький провинциальный городок.

Но владельцы выставочного зала, кстати, единственного в городе, так не считали. Они запросили у меня сначала портфолио, которое я не додумалась подготовить, потом рецензии от более именитых художников, о которых я понятия не имела и, поняв, что я новичок в этом деле, вздохнув, предложили мне оплатить аренду зала. Сумма была просто огромна, если учесть, что специально приглашать они никого не собираются.

Все выглядело не как в галерее Шарлот, где она гордилась каждой проданной работой даже начинающего художника. Нет. Здесь, в нашем «культурном» городе, как его называли все приезжие, художник сам должен был выложить кругленькую сумму, чтобы его холст оценили по достоинству и купили.

После выставочного зала я посетила еще пару мест, где иногда проходили выставки, но и там мне никто не собирался идти на встречу. Все хотели либо денег, либо сопроводительных писем от отдела культуры, главы города и так далее. Всего этого у меня, конечно же, не было.

Я обошла пешком на каблуках и в строгом костюме практически полгорода. Я не брала такси, потому что каждое новое место, где я надеялась провести дебютную выставку, находилось недалеко от предыдущего, где я уже была. К последней встрече с директором старого кинотеатра, в котором также выставлялись художники и проводились творческие вечера, я была похожа на загнанную лошадь.

Желая привлечь к себе внимание и показаться привлекательной и целеустремленной девушкой, я надела свои самые шикарные туфли из змеиной кожи, выкрашенные в ярко-бирюзовый цвет. Конечно же, это была самая неудобная пара обуви в моем шкафу. Узкая юбка и блузка тоже не давали мне должного комфорта, к которому я привыкла за месяцы без работы. Ко всему этому добавилось палящее солнце, которое решило выйти из-за туч через целую неделю проливных дождей и сильное испарение, вызванное резкой жарой.

До дома оставалось идти всего пару кварталов, но я все продолжала сидеть на раскаленной лавочке и смотреть на мам с детьми, которые пришли сюда погулять рядом с фонтаном и покормить голубей.

Мной завладело чувство обиды и отчаяния. Оно навалилось таким тяжелым грузом, что мне казалось, будто я никогда не смогу подняться с этой скамьи и идти дальше. Уныние, тоска, боль, злость – все это будто лишило меня сил.

Я смотрела на молодых женщин, которые играли со своими карапузами, водили их по борту фонтана, вытирали им носы, учили произносить слово «птичка» и до боли завидовала им. У них была обычная и от этого такая прекрасная жизнь. Семьи, мужа, возвращавшиеся вечером с работы, дети, которые хотя и капризничали, но радовали мам выросшими зубами или первым произнесенным словом. Мне казалось, что в их жизни был уют, теплая стабильность, которую многие могут назвать обыденной рутинной. Я завидовала им. У меня не было ничего, кроме моих картин и ощущения собственной ничтожности.

Сейчас, здесь, в этих красивых туфлях, на которые с завистью поглядывала мамаша одного слюнявого крепыша, я чувствовала себя полнейшей идиоткой. Мне казалось, что перед всеми людьми, с которыми я сегодня говорила, я выглядела донельзя глупо. Мне представлялось, как они смеются со своими коллегами надо мной, как только я выхожу за порог. Они наверняка осуждали меня за то, что я хочу показать свои работы, за мое стремление.

Перед глазами до сих пор стоит надменно поднятая бровь директрисы выставочного зала. Она подняла ее выше оправы своих очков, когда услышала, что у меня даже нет портфолио. В немом уворе изогнулась ее вторая бровь, когда я сообщила ей, что это моя дебютная выставка.

Выражение лица администратора библиотеки, молодого парня, очень много возомнившего о себе, несмотря на свою маленькую должность вообще лучше не вспоминать. Как только он услышал, что я – молодой художник, на лицо его вмиг опустилась маска высокомерия и ощущения полной власти над моей судьбой. Он тоже затребовал письма и рекомендации, а услышав, что их у меня нет, ушел с важным видом, небрежно бросив мне, что я могу прийти, когда соберу все бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.